

2. Национальное кадастровое агентство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vl.nca.by/>. Дата доступа: 02.11.2019.
3. О внесении изменений и дополнения в решение минского городского совета депутатов от 21 декабря 2016 г. N 255: Решение минского совета депутатов 21 дек. 2018 г. N 88 // Нац. Реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2019. – 9/93588.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И АКТУАЛИЗАЦИЯ SMART-ЭКОНОМИКИ

Жудро М. К., *Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Беларусь*

Жудро Н. В., *Белорусский национальный технический университет,
г. Минск, Беларусь*

Исследование фундаментальных актуальных институционально-экономических мировых процессов глобализации, либерализации и цифровизации развития мировой экономики свидетельствует о появлении вызова конфликтного их взаимодействия. Сложившаяся и потенциальная архитектура институционального взаимодействия национальных экономик на основе использования фундаментального регламента реализации недискриминационных и наиболее благоприятных многосторонних договоренностей в рамках ВТО не позволяет формировать конкурентные базовые их конструкции и задавать границы, за которые национальный политический, экономический протекционизм не будет выходить.

Согласно авторским и экспертным прогнозам, в долгосрочной перспективе сформулированные фундаментальные негативные институционально-экономические мировые процессы глобализации, либерализации и цифровизации развития мировой экономики сохранятся, конъюнктура мирового рынка останется нестабильной, а торговля продолжит развиваться под влиянием не только естественной конкуренции, но и политических факторов. Страны, выступающие в качестве основных производителей и экспортеров высокотехнологичных товаров и услуг, будут по-прежнему увеличивать государственную поддержку протекционизма как в национальных, так и транснациональных границах, видоизменяя ее структуру и повышая эффективность.

Ключевыми потенциальными условиями сохранения указанных выше негативных трендов в мировой экономике являются, в первую очередь, сложившиеся глобальные диспропорции уровня развития национальных экономик и доходов населения развитых и бедных стран. Так, имеет место доминирующий рост численности и урбанизации населения мира за счет развивающихся стран. Ожидается, что к 2050 году численность населения мира увеличится до 9,7 млрд человек, что потребует нарастить производство только продовольствия более чем на 50 % к сложившемуся уровню. При этом 99 % прироста населения будет приходиться на страны Африки и Азии с более низким уровнем развития национальных экономик и качеством жизни населения. Кроме того, быстрый рост населения может обернуться негативными последствиями для экосистем и природных ресурсов;

В настоящее время более половины населения мира проживает в городах. По прогнозам, эта доля к 2050 году достигнет двух третей. В тот же время с 1990 года 27 государств перешли из категории нетто-экспортеров (стран, которые экспортируют больше продукции, товаров и услуг, чем импортируют) в число импортеров продовольствия. И, как следствие, это повлечет за собой увеличение масштабов голода и недоедания. По оценкам ООН, число хронически недоедающих людей составило в 2016 году 815 млн человек (на 38 млн больше по сравнению с предыдущим годом). В то же время в современных условиях получает доми-

нирование ориентации потребителей в развитых странах на повышение качества и безопасности всех без исключения товаров, услуг, включая и продукты питания.

Изложенные выше тренды обостряют международную конкуренцию и мотивируют национальных регуляторов к активизации практики санкционных инструментов в международной торговле товарами и услугами, демпинговых диспропорций в рамках глобальных страновых цепочек создания добавленной стоимости, протекционизма как в национальных, так и транснациональных границах.

В этой связи следует отметить, что Республике Беларусь целесообразно придерживаться стратегии укрепления социально-экономического суверенитета и повышения глобальной конкурентоспособности на основе оптимального и устойчивого высокотехнологичного развития ключевых секторов национальной экономики.

Изложенные выше вызовы в развитии мировой экономики свидетельствуют о необходимости углубления исследования актуальных теорий и методологии разработки инструментария развития и реализации экономической политики компаний. Так как доминирующие среди ученых концепции, теории не учитывают особенности инноваций и системных кризисов в мировой экономике. В качестве научного аргументирования состоятельности указанного теоретико-методологического подхода выступает сформулированная в экономической науке парадигма циклического развития традиционной мировой экономики.

Позитивно характеризуя научные рекомендации и методологические конфигурации развития традиционной экономики, следует отметить, что она недостаточно учитывает глобальную специфику Smart-экономики. Термин «SMART / SMARTER» преимущественно идентифицируется с помощью мнемонической аббревиатуры SMART:

- 1) specific (конкретный);
- 2) measurable (измеримый);
- 3) attainable, achievable (достижимый);
- 4) relevant (актуальный);
- 5) time-bound (ограниченный во времени) используемой в менеджменте и проектном управлении для определения целей и форматирования задач.

Само слово smart, означает правильная постановка цели, что цель должна быть конкретной, измеримой, достижимой, значимой и соотноситься с конкретным сроком [1]. В информационных технологиях термин SMART идентифицируется с помощью мнемонической аббревиатуры:

- 1) self (самостоятельный);
- 2) monitoring (контроллинг);
- 3) analysis (оценка, анализ);
- 4) reporting (отчет);
- 5) technology (технология) или self-monitoring analysis and reporting technology – технология самотестирования и диагностика работоспособности компьютерных устройств (например, жестких дисков).

Интегрированным признаком контента практикоприменения термина SMART в приведенных выше двух случаях выступает автоматизированное, роботизированное состояние того или иного явления и поэтому в экономике его интерпретируют как «интеллектуальный, умный». И, как следствие, термин Smart-экономика ассоциируется с дефиницией «интеллектуальная экономика», функционирование которой обеспечивается на основе реализации фундаментального условия тотальной и перманентной системы взаимодействия «искусственного» и «физического интеллекта».

Поэтому в условиях цифровой экономики термин SMART следует идентифицировать с помощью следующей мнемонической аббревиатуры:

- 1) system (системный);
- 2) management (менеджмент);

3) *artificielle intelligence* (искусственный интеллект);

4) *reliable* (надежный);

5) *time-bound* (ограниченный во времени) или как система «умных» институтов, инструментов обоснования и принятия управленческих решений по определению целей, задач и организации конкретного, измеримого, достижимого, значимого в определенном лаге времени взаимовыгодного взаимодействия стейкхолдеров бизнеса [1].

Следовательно, в новой экономике интеллектуальный ресурс становится драйвером современной экономики. Роботизированные заводы – уже реальность, на повестке дня роботы-технические системы (автомобили, дроны, 3D-принтеры, печатающие нужные товары прямо на дому). Все эти технические новшества вытесняют труд человека, сужая рынок традиционных сегментов бизнеса.

Интеллектуальные инструменты анализа «больших массивов данных» в социальных сетях за секунды находят информацию о платежеспособности заемщика и уже превосходят компетенции банковских кредитных инспекторов. Облачные технологии позволяют предоставлять сервисы населению централизованно, минуя локальных посредников. ИТ-сервисы прямо из Интернета: и электронная почта, и офисные приложения, и многочисленные программы для ведения бизнеса создают предпосылки для роботизации бизнес-коммуникаций. Например, на рынке услуг заказа такси, где за несколько лет практически полностью вытеснены колл-центры (диспетчерские службы), а тарифы перевозок пассажиров существенно снижаются. В области интеллектуальной экономики трансформируется правило Парето – 20 % усилий можно добиться 80 % результата, в 20 % результатов требует 80 % усилий.

Выполненные исследования свидетельствуют о том, что значительным тормозом ускорения технологического развития выступает, во-первых, институциональная и социально-экономическая инерция, связанная с длительными сроками новеллизации профессиональных компетенций, которые требуют определенного времени для их адаптации. Smart-экономика: понятие «рабочие руки» постепенно уходит в прошлое [1]. Во-вторых, Smart-экономика создает доступ к множеству альтернативных точек зрения, авторских и сканированных (заимствованных) инноваций, которые формируют бизнес-среду глобальной, прозрачной и публичной. Она более не ограничена стандартным перечнем институтов и позволяет пользователю больше самостоятельно выбирать, какой из миллионов альтернативных ресурсов и их комбинаций, расположенных в Интернете, кому отдать предпочтение. При этом доступ к такого рода ресурсам бесплатный. Эти новые возможности Smart-экономики ориентируют ученых разрабатывать новые парадигмы для проведения исследований всех проблем интеллектуальной экономики предприятий, страны и в целом мировой экономики в современных условиях. Принципиальным современным методологическим подходом к обоснованию инструментария, основанного на учете Smart-экономики, является констатация учеными такого относительно временного сценария в мировой экономике как мировой или системный кризис.

Исследование актуальной эмпирической статистики результативности практики инструментов самых различных мега-, макро-, микроинтервенций, как инвестиционными, кредитно-финансовыми учреждениями, так и правительствами отдельных стран, а также современных тенденций развития мировой экономики и экономики отдельных стран позволяет утверждать об отсутствии реальных принципиальных позитивных итогов доминирующей интервенционной политики и практики преодоления системного финансово-экономического кризиса в условиях Smart-экономики. Так, мировая практика интервенций становится все более противоречивой: рост интервенционных расходов не сопровождается адекватными результатами роста их эффективности и появлением фактов устойчивости позитивных изменений в экономике стран. Другим словами, политика сохранения и активизация модернизации инструментов самых различных мега-, макро-, микроинтервенций как инвестиционными, кредитно-финансовыми учреждениями, так и правительствами различных государств не со-

здает предпосылки для преодоления системного кризиса и достижение устойчивого функционирования экономики субъектов бизнеса.

Исходя из этого, можно утверждать о научной уязвимости и недостаточной экономической обоснованности доминирующих приведенных выше концепций и теорий цикличности развития мировой экономики, мирового финансово-экономического кризиса и практику интервенций для его преодоления в условиях Smart-экономики. И, как следствие, приведенные выше негативные тенденции в мировой экономике в значительной мере являются факторами инвестиционных, финансово-экономических диспропорций, сохранения социально-экономических проблем как в отдельных государствах, так и целом в мире. Поэтому возникает острая необходимость разработки новых парадигм и инструментов управления бизнесом с целью достижения его устойчивости в условиях усиления факторов Smart-экономики, которые создают предпосылки для появления новых инвестиционных, финансово-экономических как пропорций, так и диспропорций в мировой экономике.

Выполненные исследования современных научных подходов к идентификации и интерпретации современных инвестиционных, финансово-экономических диспропорций в условиях Smart-экономики позволяют констатировать большую обоснованность ее применения как ключевой компетенции в понимании глубинных процессов, происходящих в современной интеллектуальной мировой экономике.

Согласно аналитическим и эмпирическим авторским и экспертным прогнозам можно констатировать развитие в обозримом будущем новой экономической реальности [2, 3]. Она может быть представлена как постоянно и неожиданно прерывающаяся последовательность периодов экономического благополучия и спада активности. Глобальная коммуникация, в «мирное время» приносящая пользу всем участникам экономической деятельности, превращается в среду появления еще большего количества зон турбулентности. При этом следует интерпретировать дефиницию «хаос» не как преимущественно трактуется в настоящее время – специфичное неустойчивое, а как сверхсложная устойчивость развития событий.

В качестве примера преимущественно приводят состояние полета самолета в условиях турбулентности (при попадании самолета в атмосферу неоднородных потоков его трясет, подбрасывает, может изменяться курс полета, снижается скорость, возникает паника среди пассажиров и т. д.) [4, 5]. Приведенное состояние полета самолета хорошо известно авторам этой статьи. Поэтому авторы не разделяют широко распространенное неоправданно завышенное на грани трагического состояние полета самолета, паническое поведение всех авиапассажиров и т. д. Безусловно, состояние полета самолета и поведение авиапассажиров, экипажа в условиях турбулентности отличается от штатного и трансформируется в необходимость немедленного принятия рекомендуемых экипажем адекватных мероприятий, предписанных соответствующей инструкцией, и каких-то собственных дополнительных психологических, технических мероприятий с целью самосохранения (устойчивости полета).

Таким образом, принципиально новыми условиями развития Smart-экономики следует рассматривать турбулентность, хаос, риск и неопределенность, которые и образует «новую реальность», которая теперь целесообразно считать нормальной для функционирования рынков и работы компаний.

Список использованных источников

1. Жудро М.К. Дизайн смарт-экономики – новый вызов экономической мысли / М.К. Жудро, Н.В. Жудро // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 18–19 мая 2017 г.) : в 2 т. – Минск : БГЭУ, 2017. – Т. 1 – С. 84–85.
2. Жудро М.К. Smart-экономика новый вызов развития дизайна формирования профессиональных экономических компетенций/ М.К. Жудро, Н.В. Жудро // Формирование организационно-экономических условий эффективного функционирования АПК : сборник научных статей 9-й Меж-

дунар. науч.-практ. конф. (Минск, 25–26 мая 2017 г.) / редкол. : Г.И. Гануш [и др.]. – Минск : БГАТУ, 2017. – С. 149–154.

3. Жудро, М.М. Инновационный организационно-экономический механизм развития гибридных высокотехнологичных организаций в условиях цифровой экономики: менеджмент, бизнес, образование (теория, аналитика, инструментарий) : монография / М. М. Жудро. – Могилев : МГОИРО, 2017. – 222 с.

4. Турбулентность [Электронный ресурс]. // – Режим доступа: <http://www.science.yoread.ru/news.php?readmore=935>. – Дата доступа: 01.06.2012.

5. Chaotics: искусство управления в эпоху турбулентности [Электронный ресурс]. // – Режим доступа: <http://performance.ey.com/wp-content/uploads/downloads/2011/10/Chaotics.pdf>. – Дата доступа: 01.06.2012.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА: АКТУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА И ТЕОРИЯ

Зеленкевич М. Л., *Институт бизнеса БГУ, г. Минск, Беларусь*

Государственное регулирование экономики является реакцией на недостатки в функционировании рыночного механизма. Имеются в виду такие издержки рынка, как нарушение экономического равновесия, кризисы, безработица, ухудшение окружающей среды и социальные проблемы. В рамках кейнсианского направления экономической мысли были определены факторы, приводящие к необходимости государственного регулирования рыночных отношений. К ним относятся:

- макроэкономическая неустойчивость рынка, циклические колебаниям производства, дохода, занятости;
- увеличение доли коллективного, общественного, в том числе правительственного потребления;
- расширение сфер, требующих государственного вмешательства (охрана окружающей среды, безопасность и др.);
- усиление интеграции хозяйствующих субъектов, стран, что привело к возрастанию масштабов инвестиционных потоков;
- усиление тенденции к монополизации [1].

Институциональные подходы к определению места и функций государства в экономическом, и в частности инновационном развитии, исследовала Н. И. Богдан, которая обосновывает институциональную концепцию сильного государства, отмечая при этом, что функции государства достаточно широки и со временем могут изменяться. «Государство является не только гарантом норм и правил, государство посредством своей экономической деятельности формирует среду для бизнеса и одновременно является одним из участников этой экономической деятельности» [2, с. 24]. В процессе установления государством институциональной среды, важным фактором становится формирование и поддержание доверия, отсутствие которого отрицательно сказывается на рынках. Таким образом, институциональная среда инвестиционного процесса включает не только законодательные рамки, но и механизм доверия участников рынка к действиям государства, а также стимулы к развитию бизнеса.

Представляет интерес позиция Серегиной С. Ф., которая анализирует регулирующие функции государства в экономике посредством системного подхода и определяет три направления действий государства в экономике. Первое – функции государства как представителя всех членов общества и интересов общества как единого целого, второе – поддержка экономической системы и ее рыночной формы, и третье – это гармонизация развития различных сфер общественной жизни [3, с. 129]. Развивая данное положение